

З.А. Сокулер

**МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ
(ОСОБЕННОСТИ ОНТОЛОГИИ, ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ
И ФИЛОСОФИИ НАУКИ В «ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМ
ТРАКТАТЕ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА)**

Сокулер Зинаида Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: zasokuler@mail.ru

В статье рассматривается ряд понятий «Логико-философского трактата» Витгенштейна. Показывается, что значение понятия «мир», которым открывается «Логико-философский трактат», полностью раскрывается только тогда, когда речь заходит о лежащем за границей мира. Доказывается, что ни пропозициональная логика, ни классическая первопорядковая логика вообще не имеют никакого привилегированного положения в представлении «логического пространства», в котором находятся и мир, и язык. Обосновывается, что «Логико-философский трактат» не содержит ни онтологии, ни теории познания в обычном смысле. Анализируются возможные мотивы конвенционализма и инструментализма, демонстрируемых Витгенштейном в трактовке научных теорий. Автор статьи показывает, что понимание философии у Витгенштейна принципиально отличается от позитивистского.

Ключевые слова: Витгенштейн, «Логико-философский трактат», логический атомизм, философия, язык, логическое пространство, логика, теория научная, причинность, индукция, теория познания, онтология

Прежде всего я должна поблагодарить Александра Леонидовича Никифорова за предоставленную возможность еще раз поговорить о Людвиге Витгенштейне и «Логико-философском трактате». Речь идет о загадке удивительно-го влияния этой небольшой книжечки. Искать ли разгадку в тексте, в личности ее автора или в психологических проблемах поклонников Витгенштейна? Ситуация с поклонниками действительно странна, поскольку «Логико-философский трактат» и вправду тяжел для понимания. Его нельзя просто читать, с ним нужно разбираться тезис за тезисом. Среди поклонников Витгенштейна имеется много людей без необходимого для такой работы философского бэкграунда, их мотивы и образ действий могут порой вызвать раздражение, так что в некотором отношении Александра Леонидовича можно понять.

Однако сейчас речь идет не о них, а о самом «Логико-философском трактате». Несет ли Витгенштейн ответственность за поведение всех своих поклонников и их споры? Соблазн обвинить именно Витгенштейна налицо: и в

самом деле, если б он писал более понятно, «Трактат» был бы во много раз объемнее, многих споров не было бы и наверняка у него было бы гораздо меньше поклонников. Но разве Витгенштейн единственный, кто дает повод к ярким спорам интерпретаторов? А как спорят поклонники и интерпретаторы Гегеля, Ницше, Фрейда, Маркса, при том что названные классики писали гораздо более объемные тексты, чем «Логико-философский трактат»!

Точно так же Витгенштейн не несет ответственности за споры своих переводчиков. Разве не спорят переводчики Аристотеля, Платона, Канта, не говоря уже о Хайдеггере или Деррида? Если, например, говорить о Канте, то одни его переводчики используют термин «вещь в себе», а другие – «вещь сама по себе». Но разве это уменьшает наше уважение к Канту или позволяет объявлять Канта путанным мыслителем?

В то же время невозможно спорить, что «Логико-философский трактат» труден для понимания, а разногласия переводов делу никак не помогают. Что делать в подобном случае самостоятельно мыслящему человеку, свободному от стадного инстинкта, который не хочет присоединиться к шумной толпе поклонников? Такому человеку можно порекомендовать классическую герменевтическую процедуру: любую часть текста интерпретировать только в контексте целого, а интерпретацию целого согласовывать с интерпретацией любой части. Одновременно надо расширять идею данного целого, включая в круг интерпретации подготовительные материалы к истолковываемому тексту, круг чтения его автора, работы его современников, более поздние сочинения того же автора и еще многое другое. «Целое», частью которого выступает «Логико-философский трактат», будет быстро становиться неохватным, но тут можно порекомендовать сочинения людей, которые уже затратили много времени и проделали большую часть описанной работы, чтобы понять «Логико-философский трактат»¹. Да и проблемы со спорами переводчиков не должны быть столь драматичными для исследователя, который, как Александр Леонидович Никифоров, читает и по-немецки, и по-английски.

Но обратимся же наконец к самому «Логико-философскому трактату».

1.

1. Мир есть все то, что имеет место².

Что за онтология стоит за этими словами? Какую информацию несет подобное утверждение? В начале книги оно играет роль определения используемого термина. А его нетривиальность выясняется только к концу «Логико-философского трактата», когда появится понятие границы мира и разговор пойдет о том, что лежит за этой границей: о том невыразимом, что всегда будоражило философскую мысль и было для философии главным предметом и оправданием ее существования. Тогда мы увидим важное для Витгенштейна противопоставление мира как совокупности всех фактов, но только фактов, и того, что не принадлежит миру фактов, а лежит за его пределами и не зависит

¹ А.Л. Никифоров ссылается на книгу Г. Кюнга (*Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М., 1999*), в которой «Логико-философскому трактату» посвящено 6 страниц (с. 106–111), и книгу Я. Хинтички (*Хинтичка Я. О Витгенштейне. М., 2013*), в которой «Логико-философскому трактату» отведена уже 21 страница (с. 26–46). Но существуют и более обстоятельные исследования. Рекомендую прежде всего работу непосредственной ученицы Витгенштейна Элизабет Энском: *Anscombe G.E.M. An Introduction to Wittgenstein's Tractatus. L., 1959*.

² Здесь и далее цит. по: *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2008*.

от фактов – мира смыслов и ценностей, среди которых смысл жизни, добро, зло. Надо сказать, что в подобном противопоставлении Витгенштейн не так оригинален. Его предшественником на этом пути является Кант, а современниками-единомышленниками оказываются неокантианцы. Я не располагаю данными о том, читал ли Витгенштейн Риккерта, более правдоподобным выглядит предположение о параллельном развитии идей, в которых выразил себя дух соответствующей эпохи и культуры³.

Но в чем Витгенштейн совершенно оригинален, так это в том, что его мысль в цитируемых Никифоровым утверждениях 1.–2.04. движется от целого к частям, т. е. от мира к фактам, а от них к объектам, тогда как обычно разговор о значении языковых выражений начинается с отдельного слова и *отдельного* обозначаемого им предмета. Благодаря такому движению осуществляется главное открытие «Логико-философского трактата» – *логическое пространство*, в котором существуют и мир, и язык, и *логическая форма объектов*. Логические формы объектов и логическое пространство как целое выступают условиями возможности того, что объекты могут, сочетаясь, образовывать факты, а факты в своей совокупности образовывать мир.

Но, задает резонный вопрос Александр Леонидович, откуда Витгенштейн это знает, чем он обосновывает свои утверждения? Чтобы разобраться с таким вопросом, надо прежде всего понять, *какого рода* онтологию Витгенштейн здесь предлагает. Разумеется, то, что я сейчас напишу, остается моей интерпретацией, и вопрос будет уже в том, насколько хорошо я аргументирую свои утверждения относительно Витгенштейна. Здесь я оказываюсь в плохом положении, так как в рамках короткой статьи у меня нет возможности выстраивать достаточно надежную аргументацию. Поэтому заранее прошу извинить меня, что многое придется проговаривать только в общих чертах.

Итак, какую же онтологию предлагает Витгенштейн в первых строках «Логико-философского трактата»? Откровения о мире как он есть сам по себе вступают в явное противоречие с утверждениями самого же Витгенштейна, что философия не может создавать собственных теорий, а остается деятельностью по прояснению мыслей. Если сразу исходить из того, что Витгенштейн путанный и противоречивый мыслитель, то тут можно увидеть подтверждение своего исходного убеждения и на этом успокоиться.

А если не принимать такой предпосылки, то перед нами встает задача понять утверждения Витгенштейна исходя из того контекста, в котором он работает, и тех задач, которые он перед собою ставит. Что касается контекста, то его в значительной мере образует разрабатывавшаяся Расселом совместно и одновременно с Витгенштейном концепция «логического атомизма»⁴. В этой работе представлена *очень своеобразная* онтология, ибо, как говорит Рассел, «атомы, которые я хочу получить как конечный результат анализа, являются логическими, а не физическими»⁵. Понятно, что логические атомы не являются элементами реальности как вещи самой по себе. Рассел имеет в виду реальность, как люди ее изучают и описывают. Исходя из этих процессов, он считает возможным говорить о реальности: как она должна быть устроена, чтобы ее можно было изучать и о ней ясно говорить.

Витгенштейн в «Логико-философском трактате» ставит задачу, близкую той, которую ставил Рассел. Он стремится понять, какой должна быть реальность, *чтобы мы могли делать ясные высказывания о ней*. При этом он,

³ О некоторых параллелях между неокантианством и Витгенштейном см., например: New Approaches to Neo-Kantianism. Camb., 2015.

⁴ Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999.

⁵ Там же. С. 5.

как и Рассел, без обсуждения принимает предпосылку, что мы можем делать ясные высказывания (и потому мы *должны* делать свои высказывания ясными). А задачу собственного исследования он – как написано в Предисловии к «Логико-философскому трактату» – видит в том, чтобы описать *условия возможности* ясных высказываний и, соответственно, *область того, о чем можно* делать ясные высказывания. При этом выявляется тема того, что лежит за границами названной области и о чем при всем желании невозможно говорить ясно.

Таким образом, «мир», о котором пишет Витгенштейн, не «вещь сама по себе», а мир сквозь призму языка. На это указывает и тезис 5.6. «*Границы моего языка означают границы моего мира*». Соответственно, основания для утверждений Витгенштейна о мире являются априорными: мир таков-то и таков-то, потому что мы говорим о нем и притом считаем важным, чтобы наши утверждения были ясными. Для того, чтобы это было возможно, требуется, чтобы мир обладал следующими чертами⁶.

Тут, конечно, встает вопрос, о каком языке идет речь: «Ведь языков на земле чрезвычайно много, и их структуры весьма сильно различаются. Имеется в виду, очевидно, язык классической логики. Но откуда нам известно, что внешний мир имеет структуру одного из языков логики?» – спрашивает Никифоров. Ему представляется очевидным, что Витгенштейн имеет в виду язык классической логики. *Но это не так*. Собственно, основная аргументация Александра Леонидовича построена на данном допущении, и потому мне постоянно придется об этом говорить дальше. Сейчас я только скажу, что текст Витгенштейна *не дает оснований* для такого мнения, хотя оно и распространено (что является проблемой не Витгенштейна, а отечественной рецепции западной философии XX века). Тогда о каком же языке идет речь? Реальных языков много, а в «Логико-философском трактате» говорится о языке в единственном числе, да еще и с определенным артиклем. Сославшись, как и А.Л. Никифоров, на очевидность, скажу, что Витгенштейн разрабатывает абстракцию языка как такового, или, точнее, тех *общих черт, которыми должен обладать язык, дающий возможность делать ясные высказывания о мире*. Язык в «Логико-философском трактате» представлен только в одной своей функции – *давать описания* реальности. А что касается мира, то, как сказано выше, это не мир как вещь сама по себе, а *мир, о котором мы делаем высказывания*.

Глубокая оригинальность Витгенштейна состоит именно в этом: он принимает, что для того, чтобы наши высказывания могли недвусмысленным образом соотноситься с реальностью, *сама реальность* должна быть *соответствующим образом структурирована*. Речь идет вовсе не о том, что является подлинным базисом реальности: атомы, элементарные частицы, кварки либо струны. Нет, ибо «атомы» и структуры, о которых идет речь у Витгенштейна, как и у Рассела, являются не физическими, а логическими. Предложу для пояснения такой пример. Чтобы предложение «Роза красна» могло выступать как описание реальности, надо, чтобы реальность для нас выступала как образованная вещами и их свойствами (и отношениями, разумеется). В нашем языке есть существительные, прилагательные и глаголы, а в реальности есть вещи, их свойства, а также их действия и отношения. Вот о подобных коррелятивных языку свойствах реальности и

⁶ «Одна из задач Витгенштейна заключалась в том, чтобы определить, при каких условиях может существовать полностью значимый язык. В своей ранней работе Витгенштейн предполагает, что такие условия в действительности существуют» (*Бартли У.У. III*. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель. М., 1993. С. 170).

говорится в «Логико-философском трактате», и ни о чем другом. Потому говорится априори, ибо такие свойства реальности сразу известны тем, кто использует язык, чтобы говорить о ней. Способ рассуждений Витгенштейна в некоторой степени аналогичен рассуждениям Канта. Кант исходил из того, что в человеческом знании имеются необходимые и всеобщие суждения, исследовал, каковы условия возможности таких суждений, и в результате пришел к общим чертам той реальности, которая дана нам как явление. А Витгенштейн исходит из того, что возможны ясные, недвусмысленные высказывания-описания, и, исходя из этого, формулирует общие черты языка и реальности, которая с помощью языка описывается⁷.

Итак, тот мир, о котором сказано в 1.13., что «Факты в логическом пространстве суть мир», – это мир языка, а не мир как вещь сама по себе.

2.

Но что такое «логическое пространство»? Что такое «логика», о которой часто делаются утверждения в «Логико-философском трактате»? Например:

2.012. В логике нет ничего случайного...

2.0121. <...> Нечто логическое не может быть только возможным. Логика трактует каждую возможность, и все возможности суть ее факты. <...>

3.42. <...> Логические строительные леса вокруг образа определяют логическое пространство. Предложение охватывает все логическое пространство. <...>

6.22. Логику мира, которую предложения логики показывают в тавтологиях, математика показывает в уравнениях.

А.Л. Никифоров исходит из того, что каждый раз, когда в «Логико-философском трактате» упоминается логика, имеется в виду пропозициональная логика или стандартная первопорядковая логика. На этом построена значительная часть его аргументации. *Но это не так!* Для части современных читателей «Логико-философского трактата» слово «логика» намертво слилось с данным исчислением, но позвольте напомнить, что так было не всегда. Гегель писал «Науку логики», Кант различал формальную и трансцендентальную логики, Герман Коген назвал свой труд «Логика чистого познания», Эдмунд Гуссерль написал «Логические исследования», в наше время Жиль Делёз написал «Логику смысла». Каждый из названных авторов имел в виду нечто свое, но ничего подобного исчислению предикатов.

Правда, порой Витгенштейн использует слово «логика» для пропозициональной логики, как в 6.1. «Предложения логики суть тавтологии». Это бывает в случаях, когда речь идет именно о «предложениях логики». А «логика мира» – нечто иное.

Но что дает мне право на подобное утверждение? – Прежде всего то обстоятельство, что никакой стандартной первопорядковой логики в «Логико-философском трактате» нет⁸. *Вообще*. Осознать это мешает укоренившаяся

⁷ Параллели между движением мысли Канта и Витгенштейна часто проводила в своих работах М.С. Козлова. См., например: *Козлова М.С.* Специфика философских проблем. Позиция Л. Витгенштейна // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Минск, 1990. С. 78; *Козлова М.С.* Вера и знание. Проблема границы (К публикации работы Л. Витгенштейна «О достоверности») // *Вопр. философии*. 1991. № 2. С. 58–66.

⁸ См. подробнее: *Anscombe G.E.M.* An Introduction to Wittgenstein's Tractatus. P. 98ff. Как пишет Энском: «Витгенштейн не принял бы фрегевский способ различения объекта и понятия, согласно которому объект как он есть сам по себе всегда уже насыщен, а понятие

привычка считать, что логика – это и есть первопорядковая логика. Но в то время, когда Витгенштейн работал над «Логико-философским трактатом», подобная привычка еще не могла укорениться.

Давайте просто раскроем глаза и будем читать Витгенштейна: 2.01. «Атомарный факт есть соединение объектов (вещей, предметов)». А предложение выступает у Витгенштейна, соответственно, как соединение имен. Таким образом, вместо противопоставления индивидов и предикатов Витгенштейн говорит о том, что *каждый объект обладает собственной логической формой*. Получается, что предикаты для него – это тоже объекты со своей специфической логической формой, позволяющей им вместе с объектами иной, но тоже определенной логической формы, образовывать факты. Витгенштейн не считает нужным перечислять возможные логические формы объектов, потому что для него это не принципиально. Формы объектов могут быть очень разными; их столько, сколько понадобится языку. Главное для Витгенштейна состоит в том, что *любой объект обладает некоторой логической формой*.

Удобно проиллюстрировать многообразие логических форм объектов на примере, который приписывают иногда Карнапу, а иногда Хомскому: «Зеленые бесцветные идеи яростно спят» (только надо помнить, что данный пример не принадлежит Витгенштейну; возможно, для него «зеленое», «идея», «спать» не принадлежат к числу простых объектов, а являются комплексами). Только ради примера я прошу на минуту представить себе, что это простые объекты. Тогда они будут иметь логические формы, которые как раз *исключают* возможность их сочетания. Логическая форма объекта «спать» исключает возможность сочетания с объектами «идея», «ярость». Или, в приводимом Александром Леонидовичем примере, логическая форма объекта «чайник» – опять же, допустив, что это простой объект⁹, – предопределяет возможность его вхождения в атомарные факты. Конечно, Александр Леонидович прав, и мы не можем предугадать все, что будет сделано с чайником. Вдруг кто-то перельет в него виски или станет забивать им гвозди. Но мы знаем точно и заранее, что невозможен факт: «чайник на октаву выше, чем сковородка» (сам чайник, а не издаваемый им звук! У объекта «звук» другая логическая форма, чем у объекта «чайник»).

нуждается в насыщении, как бы содержа в себе пустое место» (ibid. P. 98). Для Витгенштейна, объясняет Энском, и объект, и понятие в равной мере «нуждаются в насыщении», «как бы содержат в себе пустое место», т. е. имеют такую логическую форму, которая определяет сочетание их с другими объектами определенной формы для образования атомарных фактов. Напомню еще раз, что Энском непосредственно училась у Витгенштейна, т. е. имела возможность порасспросить его о непонятных местах «Логико-философского трактата».

⁹ Вопрос о том, что является простым объектом, заслуживает отдельного обсуждения. См., например: *Anscombe G.E.M. An Introduction to Wittgenstein's Tractatus*. P. 28ff; *Glock H.-J. A Wittgenstein Dictionary*. Oxf., 1996. P. 269. Попутно отвечу на замечание Александра Леонидовича по поводу того, что Витгенштейн приписывает смысл лишь предложению, и это, по его мнению, равносильно тому, чтобы «отвергать понятие как форму мысли». За данным обвинением стоит серьезная традиция отечественной мысли (вспомним книгу Е.К. Войшвилло «Понятие как форма мышления». М., 1989), за которой стоит не менее серьезная традиция – гегельянская. Но в «Логико-философском трактате» исходными являются только имена и элементарные предложения. Однако это не исключает возможности еще каких-либо языковых форм. Только они не будут простыми и будут нуждаться в анализе, который прояснит их природу и выявит все их содержание. В случае понятий, которые имеет в виду Никифоров, анализ выявит в качестве их компонент совокупности предложений, имеющих смысл.

Логическое пространство как целое образуется сочетанием всех этих многообразных логических форм¹⁰. Витгенштейн не берется их каталогизировать и описывать, понимая, что они и их сочетания так же сложны, как живой организм (ср. 4.002. «Разговорный язык есть часть человеческого организма, и он не менее сложен, чем этот организм»). Классическая первопорядковая логика неспособна представить логическое пространство во всей его сложности. Та логика, которая образует границу мира (ср. 6.13., 5.61.) вообще имеет иную природу и неизмеримо более сложна.

Что касается пропозициональной логики с ее функциями истинности, то Витгенштейн вовсе не приписывает ей выделенной роли в репрезентации логического пространства. С одной стороны, *любое осмысленное предложение* представляет все логическое пространство (см. 3.42.). С другой стороны, предложения пропозициональной логики осмысленными предложениями вообще не являются. Ср.:

6.1. Предложения логики суть тавтологии.

6.11. Предложения логики, следовательно, ничего не говорят. <...>

5.43. <...> Но все предложения логики говорят одно и то же. А именно ничего.

Витгенштейн в «Логико-философском трактате» доказывает, что логические связи и пропозициональные функции являются всего лишь комбинациями придуманных людьми знаков по придуманным ими же правилам, и не более того. Они не добавляют никакой информации, не имеют никакого онтологического значения. За ними не стоит ничего, кроме конвенций. Ср.:

4.0312. <...> Моя основная мысль заключается в том, что «логические постоянные» ничего не представляют, что *логика фактов* не может быть представлена

или 4.441., где Витгенштейн, комментируя таблицы истинности, задающие значения «логических постоянных», или пропозициональных связей, прямо пишет (имея в виду горизонтальные и вертикальные линии, образующие *таблицы истинности*):

Ясно, что комплексу знаков “И” и “Л” не соответствует никакой объект (или комплекс объектов); не более чем горизонтальным или вертикальным линиям или скобкам соответствуют какие-либо объекты. Не существует “логических объектов”.

Таким образом, *логическое пространство* в «Логико-философском трактате» – это очень сложная структура, и классическая логика никак не может претендовать на приоритет в ее представлении, а «логика», о которой Витгенштейн говорит чаще всего, неизмеримо сложнее классической первопорядковой логики. Логика мира, по Витгенштейну, вообще не может быть описана осмысленными предложениями, потому что сама возможность описания уже предполагает эту логику.

3.

Из сказанного до сих пор вытекает, что для Витгенштейна все связи между элементарными предложениями являются нашими конструкциями и носят конвенциональный характер. Соответственно, предложение «если

¹⁰ Ханс-Иоганн Глок возводит термин «логическое пространство» к термодинамике Больцмана и подчеркивает, что данный термин «очевидно указывает на совокупность логических возможностей» (*Glock H.-J. A Wittgenstein Dictionary. P. 220*).

р, то φ) является всего лишь функцией от истинности или ложности предложений «р» и « φ » и ничего не добавляет к их содержанию. Это в точности соответствует тому, что в «Логико-философском трактате» утверждается логическая независимость атомарных фактов. По этому поводу Александр Леонидович цитирует:

6.37. Не существует необходимости, по которой одно должно произойти потому, что произошло другое. Имеется только логическая необходимость.

Да, позиция Витгенштейна именно такова. Исходя из этого, Витгенштейн говорит далее:

6.31. Так называемый закон индукции ни в коем случае не может быть логическим законом, так как очевидно, что он является осмысленным предложением. И потому также он не может быть априорным законом.

Этими словами Витгенштейн отвергает осмысленность любых попыток построить особую «индуктивную логику» (что было столь же неприемлемо для К. Поппера). Об индуктивном выводе Витгенштейн говорит в 6.3631.: «Но этот процесс имеет не логическое, а только психологическое основание. Ясно, что нет никакого основания верить, что в действительности наступит только простейший случай» (т. е. что все дальнейшие наблюдения будут укладываться в ту же закономерность, которая уже зафиксирована). Никифоров в этой связи упрекает Витгенштейна: «Д. Юм, как известно, сомневался в реальном существовании причинно-следственных связей, но он хотя бы обосновывал свои сомнения, а не просто провозглашал». Но раз Юм обосновывал свои утверждения и для многих мыслителей (среди них Рассел и Поппер) эти доводы были вескими, то Витгенштейну уже нет нужды их повторять, достаточно просто сослаться на традицию обсуждения, что он фактически и сделал в 6.36311.: «То, что завтра взойдет солнце, – гипотеза; а это означает, что мы не знаем, взойдет ли оно».

Вопрос об индуктивной логике подводит нас к вопросу о причинности в мире и, соответственно, о статусе законов науки. Тут обнаруживается явно антициентистская позиция Витгенштейна:

6.371. В основе всего современного мировоззрения лежит иллюзия, что так называемые законы природы являются объяснениями природных явлений.

6.372. Таким образом, люди останавливаются перед естественными законами как перед чем-то неприкосновенным, как древние останавливались перед богом и судьбой. И они были одновременно правы и неправы. Но древние были яснее, поскольку они признавали один ясный предел, в то время как новые системы представляют дело так, будто *все* объяснено.

Витгенштейн смотрит на теории науки как конвенционалист и инструменталист (ср. 6.3417.)¹¹. Названные позиции в философии науки многократно критиковались, но они и выдерживали критику, и сами многократно атаковали своих противников достаточно сильными аргументами. Здесь невозможно проследить историю спора инструментализма и реализма, но хочу подчеркнуть, что с обеих сторон выдвигались серьезные аргументы, поэтому нельзя так просто отмахнуться от позиции, занятой Витгенштейном, и от его

¹¹ О понимании науки в «Логико-философском трактате» Ханс-Иоганн Глок пишет: «Его (т. е. Витгенштейна) ранняя работа отмечена влиянием неокантианских философов-ученых Герца и Больцмана» (*Glock H.-J. A Wittgenstein Dictionary*. P. 341). «Этот образ науки является конвенционалистским, в духе Герца и Больцмана. Несмотря на то, что он остался неразвернутым и не проиллюстрированным, он стал одним из главных источников вдохновения для инструменталистских трактовок науки» (*ibid.* P. 343).

трактовки научных теорий. Да, Витгенштейн скептически смотрит на научные объяснения. Объясняющие сущности и принципы у него превращаются в средства более общих и удобных описаний:

6.343. Механика есть попытка построить по единому плану все *истинные* предложения, в которых мы нуждаемся для описания мира.

6.342. <...> ничего не говорит о мире тот факт, что он может быть описан ньютоновской механикой, но, однако, о мире нечто говорит то обстоятельство, что он может быть описан ею *так*, как это фактически имеет место. О мире также что-то говорит и тот факт, что одной механикой он может описываться проще, чем другой.

Молодость Витгенштейна (как и Поппера) пришлось на период, который называют кризисом в физике. Как справедливо отмечает Александр Леонидович: «Квантовая механика и теория относительности обозначили границы классической физики». Названное событие в истории человеческого познания оказало глубокое и длительное влияние на философию науки и теорию познания. Это нашло свое выражение в том, что Поппер принципиально развел вопрос об истинности и вопрос о научности предложений и теорий: «Я хотел провести различие между наукой и псевдонаукой, прекрасно зная, что наука часто ошибается и что псевдонаука может случайно набрести на истину»¹². А Витгенштейн трактовал теоретические построения физических наук как конструкции, принимаемые конвенционально. Сходной позиции в то время придерживались А. Пуанкаре и П. Дюгем. Хочу в этой связи обратить внимание на растущую роль конвенционализма в философии науки, свидетельством чего являются и куновская идея парадигмы, и исследовательские программы Лакатоса.

Для Витгенштейна в «Логико-философском трактате» важно показать конвенциональную природу научных теорий и объяснений, чтобы с наукой не связывались надежды на разрешение экзистенциальных проблем:

6.52. Мы чувствуем, что, если бы и существовал ответ на все *возможные* научные вопросы, проблемы жизни не были бы при этом даже затронуты.

Наука не может разрешить главную проблему человека, вопрос о смысле его жизни. Об этом Витгенштейн пишет не раз и не только в «Логико-философском трактате»¹³. Ради чего в таком случае существуют научные теории? Ответ Витгенштейна близок к предлагавшемуся П. Дюгемом и А. Пуанкаре¹⁴. Витгенштейн пишет, что научная теория дает единообразное описание фактов (см. 6.343., процитированный выше). Этим подразумевается и *описание*, и *предсказание* наблюдаемых фактов. Витгенштейн не забывает, что научные теории используются для извлечения предсказаний, но напоминает, что основание для предсказаний достаточно проблематично – «мы прини-

¹² Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 240.

¹³ См.: Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Филос. работы. Ч. 1. М., 1994. С. 407–492.

¹⁴ «Я позволю себе сравнить науку с библиотекой, которая должна непрерывно расширяться; но библиотекарь располагает для своих приобретений лишь ограниченными кредитами; он должен стараться не тратить их понапрасну. Такая обязанность делать приобретения лежит на экспериментальной физике, которая одна лишь в состоянии обогащать библиотеку. Что касается математической физики, то ее задача состоит в составлении каталога. Если каталог составлен хорошо, то библиотека не делается от этого богаче, но читателю облегчается пользование ее сокровищами. С другой стороны, каталог, указывая библиотекарю на пробелы в его собраниях, позволяет ему дать его кредитам рациональное употребление; а это тем более важно ввиду их совершенной недостаточности» (Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 93).

маем простейший закон, согласующийся с нашим опытом» (6.363.), – тем самым показывая относительность и временность принимаемых наукой теорий. Думаю, с этим не стал бы спорить и К. Поппер.

4.

Эта тема подводит нас к тому, какое место в философии Витгенштейна занимает теория познания. Как показывает анализ всего его творчества от «Логико-философского трактата» до «О достоверности», внимание Витгенштейна сосредоточено на конвенциональных элементах нашего познания. Объяснение этому лежит, как я думаю, в том, о чем говорилось выше: в физике происходит научная революция, и это не позволяет более считать научное знание неопровержимым. В то же время философская теория познания по большей части исходила из того, что подлинное, или научное, знание является неопровержимым. Не удивительно, что Витгенштейн порывает с этой традицией и видит свою задачу в том, чтобы *снять* философские проблемы, связанные с объяснением природы необходимого знания. И то, что для классической философии выступало как знание необходимое и всеобщее, возможность чего объяснялась посредством очень сильных философских конструкций, для Витгенштейна в «Логико-философском трактате» выступает как использование определенных символов по определенным, принятым на основании их удобства правилам. Много позднее, в заметках, опубликованных под названием «О достоверности»¹⁵, Витгенштейн будет связывать то, что не подвергается сомнению в нашем знании, с устройством самих языковых и внеязыковых практик. Так он, в частности, вдохновит Д. Блура на решительную радикализацию социологии научного познания. Пока, в «Логико-философском трактате», Витгенштейн снимает традиционную проблематику теории познания. О том, как это выглядит применительно к научным теориям, мы сказали выше. Что касается других видов знания, то он склонен полностью отдать их в ведение эмпирических наук. Замечу, что сейчас все те вопросы, которые перечисляет Никифоров: «Воздействие на орган чувств, передача возбуждения по центrostремительным нервам в мозг, переработка этого возбуждения в чувственный образ, различие между первичными и вторичными качествами вещей, соединение физического и психического, работа воображения и т. д.», находятся в ведении когнитивной психологии. Ибо подобные вопросы требуют конкретных эмпирических исследований, которые философия не проводит.

Витгенштейн же говорит в 4.1121.: «Психология не ближе к философии, чем любая другая естественная наука. Теория познания есть философия психологии». Что касается предложений эмпирического базиса науки, Витгенштейн исходит из того, что в самих науках имеются разработанные процедуры и правила сопоставления таких предложений с опытом, и процедуры эти, в общем, *работают*. У Витгенштейна, в отличие от логических позитивистов, нет ничего подобного идее, что для эмпирических предложений науки требуется особое, абсолютное, философское обоснование. Поэтому он не углубляется в эту тему тоже¹⁶. В науке есть практики сопоставления предложений и реальности, и для задач, которые Витгенштейн перед собой ставит, этого достаточно.

¹⁵ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Филос. работы. Ч. 1. М., 1994. С. 321–405.

¹⁶ Р. Рорти в работе «Философия и зеркало природы» (Новосибирск, 1997) обстоятельно критикует проект философской теории познания и в своей аргументации часто ссылается на Витгенштейна.

Витгенштейн в «Логико-философском трактате» просто упоминает о сопоставлении предложений и реальности, поскольку – повторю это еще раз – идея, что научное познание, как оно есть, недостаточно обосновано и что философия должна подвести под него абсолютно надежный фундамент, в его глазах не имеет никакого смысла. Научное знание обосновано настолько, насколько оно само в состоянии себя обосновать. Оно работает – настолько, насколько оно работает. Соответственно, в «Логико-философском трактате» нет теории познания в традиционном смысле. Поэтому критика, направленная Александром Леонидовичем в адрес понятия образа, бьет мимо цели. Витгенштейн строит *изобразительную теорию языка*, а не изобразительную теорию познания. И в таком определении задачи своей философской работы тоже проявляется оригинальность «Логико-философского трактата»; и это тоже во многом объясняет ту роль, которую «Логико-философский трактат» сыграл в философии XX века.

Согласно изобразительной теории языка «Логико-философского трактата», предложение «Смоленск западнее Москвы» будет *образом* соответствующего факта, причем совершенно независимо от того, как ориентирован листок, несущий на себе данное предложение. Как возможно, чтобы предложение изображало факт, когда оно на него совсем не похоже? – Вот на этот вопрос Витгенштейн и пытается ответить. В самых общих чертах ответ сводится к тому, что условием возможности для предложения изображать факт внеязыковой реальности служит *общая структурированность* и фактов, и предложений (соответственно элементов факта и элементов предложения). В «Логико-философском трактате» эта общая структурированность названа логическим пространством.

5.

И, наконец, последний вопрос касается понимания философии, продекларированного в «Логико-философском трактате». В отличие от понимания языка, Витгенштейн никогда не отказывался от высказанного в «Логико-философском трактате» убеждения, что философские проблемы происходят из-за нарушений правил языка и что правильный способ их разрешения состоит в их устранении.

Жесткое столкновение по вопросу о природе философских проблем между Витгенштейном и Поппером описано в книге «Кочерга Витгенштейна»: «...на карту был поставлен фундаментальный вопрос философии: вопрос о ее цели. От его решения напрямую зависела судьба возглавляемой Расселом аналитической философии»¹⁷. Равнозначна ли позиция Витгенштейна платформе логического позитивизма, как утверждает Александр Леонидович? – На такой вопрос ответ однозначен: нет! Принципиальная разница заключается в том, что, с точки зрения логических позитивистов, философствует кто-то там, какие-то «музыканты без музыкальных способностей»¹⁸, тогда как они, люди со строгим научным мышлением, от этого греха свободны. Совсем не такова позиция Витгенштейна: «Каждый из нас наверняка попадет в мухоловку – нас туда затягивает язык. Философию с кафедры преподают лишь единицы, но на

¹⁷ Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. М., 2004. С. 223.

¹⁸ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: Становление и развитие. М., 1998. С. 88.

кухне или в забегаловке мы все – философы»¹⁹. Витгенштейн борется с околдованностью мышления языком *в себе*. «Философ – тот, кто сначала должен вылечить многие недуги собственного рассудка, прежде чем он придет к понятию здравого человеческого разумения»²⁰. Может быть, здесь лежит причина особой привлекательности текстов Витгенштейна: они воплощают личный опыт. Витгенштейн понимал философию как прежде всего работу над самим собой: «Работа в философии – как во многом и в архитектуре – это в значительной мере работа над самим собой. Над собственной точкой зрения. Над способом видения предметов. (И над тем, что человеку от них требуется.)»²¹.

Витгенштейн не учит непременно бросить философию и идти заниматься другими делами. Да, он действительно подчас рекомендовал своим друзьям и ученикам сделать именно это – потому что на собственном опыте знал, какой тяжелой и мучительной может быть философская работа и сколь скудны ее результаты.

Неусыпный самоконтроль, неподкупный критицизм по отношению к самому себе – вот чего он требует от философа. А если человек не готов к этому, то ему, по убеждению Витгенштейна, лучше философией не заниматься: он способен только внести новую концептуальную путаницу и тем нанести вред.

Мне кажется, что удачные слова для описания витгенштейновского понимания философии нашла Мария Семеновна Козлова, и я воспользуюсь ими, веря, что она сама не возражала бы в данном случае против таких обширных цитат из ее публикации: «Его взгляд на философию долгое время приравнивали к точке зрения логического позитивизма. Но вдумчивое прочтение, тщательный анализ его суждений позволяют сделать иной вывод. В отличие от Карнапа и его единомышленников, превозносивших науку, философию же считавших делом мало почтенным, бессмысленным, Витгенштейн видел свое главное дело именно в философии, высоко ценил труд философа. Еще совсем молодым он признал: в мире нет ничего более удивительного, чем подлинные проблемы философии (письма Расселу, 1912). Такое настроение не покинет его до конца жизни, целиком отданной философии. Но что тогда означает его постоянно суровая критика метафизики? Выйти из кажущегося тупика помогает, на мой взгляд, Кант, ибо философский поиск двух мыслителей в ряде пунктов перекликается»²². И она продолжает: «По-видимому, Витгенштейн воспринял мысль Канта о регулятивном (неконститутивном) характере философского знания, придав и ей характерный языковой смысл. Сутью философии ему представилось решение особых задач концептуального прояснения, понимания. В отличие от практических или научных вопросов, которые могут иметь фактический, временной, каузальный, структурный и иной характер, все типично философские утверждения и вопросы Витгенштейн характеризовал как логико-языковые, отнесенные не к явлениям, а к понятиям, фиксирующим эти явления»²³. И завершая свое сочувственное изложение представлений Витгенштейна об особенностях философских проблем и философской деятельности, она пишет: «Смыслом, целью, итогом философской работы мыслится достижение такой ясности. Много это или мало? Испытав муки путаницы, пустословия, непонимания, осознаешь: это совсем немало. Трудиться стоит»²⁴.

¹⁹ Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. С. 234.

²⁰ Витгенштейн Л. Культура и ценность. С. 452.

²¹ Там же. С. 427.

²² Козлова М.С. Специфика философских проблем. Позиция Л. Витгенштейна // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Минск, 1990. С. 78.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

К этому немного можно добавить. Витгенштейн видел разрешение философских проблем в избавлении от них. Оскорбительно это для философии или нет? Напомню еще раз, что в *возникновении* философских проблем, с точки зрения Витгенштена, неповинен тот или иной отдельный человек, корень их лежит в устройстве самого языка, а также в характере культуры. Проблемы возникают с неизбежностью. А что происходит с их разрешением? Оно принципиально отличается от разрешения таких проблем, как, скажем, оценка величины радиуса земного шара или предсказание затмений Солнца. Мучают ли нас те проблемы, которые мучали некогда Сократа и его учеников или мы просто *перестали* мучиться их проблемами, потому что живем в другой культуре и имеем другие проблемы? Мучает ли нас Кантова проблема, как возможны синтетические суждения априори, или у нас сейчас другое представление о природе тех суждений, которые Кант считал необходимыми и всеобщими? Размышление над исторической судьбой философии и ее проблем ставит перед нами непростые вопросы (и непростой выбор). Я не дерзаю предлагать их окончательное разрешение, но мне представляется, что позиция Витгенштейна дает основания для серьезных размышлений.

Александр Леонидович совершенно прав в том, что «Логико-философский трактат» создавался в кризисную эпоху европейской культуры. Культура как целое переживает кризис ценностей, кризис философии, кризис науки. А конкретный человек Людвиг Витгенштейн при этом находится в совершенно пограничной ситуации – на фронте Первой мировой войны. Но там он мучается философскими проблемами, пытается найти место ценностям и понять природу предложений этики. Не является ли это подлинной защитой философии и этических ценностей? Мне кажется, что многих поклонников Витгенштейна притягивает к его текстам не что иное, как подлинность его мотивов и сила его признания ценностей. Эта притягательность становится все более сильной в нашем мире симулякров, особенно симулякров интеллектуальной деятельности. Не лежит ли разгадка харизматичности текстов Витгенштейна – хотя бы в некоторой мере – в том, что в них все натуральное и честное: усилия мысли, напряженные поиски и признание необходимости ставить границы самому себе.

Список литературы

Бартли У.У. III. Витгенштейн / Пер. с англ. Т. Нестеровой и О. Сапрыкиной // Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель / Сост. В.П. Руднева. М.: Прогресс; Культура, 1993. С. 139–270.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. и англ. И.С. Добролюбова и Д.Г. Лахути. М.: Канон+; Реабилитация, 2008. 288 с.

Витгенштейн Л. Культура и ценность // *Витгенштейн Л.* Филос. работы. Ч. 1 / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 407–492.

Витгенштейн Л. О достоверности // *Витгенштейн Л.* Филос. работы. Ч. 1 / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 321–405.

Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 238 с.

Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. с нем. А.В. Кезина // Аналитическая философия: Становление и развитие / Сост. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуал. кн., 1998. С. 69–89.

Козлова М.С. Специфика философских проблем. Позиция Л. Витгенштейна // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Тез. докл. и выступлений. Минск: Б.и., 1990. С. 78.

Козлова М.С. Вера и знание. Проблема границы (К публикации работы Л. Витгенштейна «О достоверности») // Вопр. философии. 1991. № 2. С. 58–66.

Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка / Пер. с нем. и англ. А.Л. Никифорова. М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. 237 с.

Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы / Пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

Пуанкаре А. О науке / Пер. с фр. Под ред. Л.С. Понтрягина. М.: Наука, 1983. 559 с.

Рассел Б. Философия логического атомизма / Пер. с англ. В. Суровцева. Томск: Водолей, 1999. 192 с.

Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.

Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами / Пер. с англ. Е. Канищевой. М.: НЛЮ, 2004. 345 с.

Хинтиikka Я. О Витгенштейне / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2013. 272 с.

Anscombe G.E.M. An Introduction to Wittgenstein's Tractatus. L.: Hutchison University Press, 1959. 179 p.

Glock H.-J. A Wittgenstein Dictionary. Oxf.: Blackwell Publishers, 1996. 416 p.

New Approaches to Neo-Kantianism / Ed. by N. de Warren and A. Staiti. Camb.: Cambridge University Press, 2015. 322 p.

Small rain lays great dust: peculiarities of ontology, theory of knowledge and philosophy of science in Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus*

Zinaida A. Sokuler

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: zasokuler@mail.ru

The author takes a close look at some of the concepts in Wittgenstein's *Tractatus*. She sets to show that the meaning of the notion 'world' is fully revealed only when Wittgenstein comes to speak of what 'lies outside the world'. She then attempts to demonstrate that neither propositional logic nor the classical first-order logic enjoy a privileged position in representing the **'logical space' where both the world and the language lie. The paper argues** that the *Tractatus* contains neither an ontology nor a theory of knowledge in the usual sense of the word and proceeds to analysing the possible motives of conventionalism and instrumentalism exhibited by Wittgenstein in the interpretation of scientific theories. The author contends that Wittgenstein's understanding of philosophy is essentially different from the one shared by the adepts of positivism.

Keywords: Wittgenstein, *Tractatus Logico-Philosophicus*, logical atomism, philosophy, language, logical space, logic, scientific theory, causality, induction, theory of knowledge, ontology

References

Anscombe, G. E. M. *An Introduction to Wittgenstein's Tractatus*. London: Hutchison University Press, 1959. 179 pp.

Bartley, W. W. III. "Wittgenstein", trans. by T. Nesterova and O. Saprykina, *Ljudvig Vitgenshtejn: Chelovek I myslitel'* [Ludwig Wittgenstein: the Man and the thinker], ed. by V.P. Rudnev. Moscow: Progress Publ.; Kul'tura Publ., 1993, pp. 139–270. (In Russian)

Carnap, R. "Preodolenie metafiziki logicheskim analizom jazyka" [Overcoming of philosophy by logical analysis of the language], trans. by A.V. Kezin, *Analiticheskaja filosofija: Stanovlenie I razvitie* [Analytical philosophy: formation and development], ed. By A.F. Grjaznov. Moscow: Dom intellektual'noj knigi Publ., 1998, pp. 69–89. (In Russian)

Edmonds, D. & Eidinow, J. *Kocherga Vitgenshtejna. Istoriya desyatiminutnogo spora mezhdu dvumya velikimi filosofami* [Wittgenstein's Poker. The Story of a Ten-Minute Argument Between Two Great Philosophers], trans. by Ye. Kanistcheva. Moscow: NLO Publ., 2004. 352 pp. (In Russian)

Glock, H.-J. *A Wittgenstein Dictionary*. Oxford: Blackwell Publ., 1996. 416 pp.

Hintikka, J. *O Vitgenshteine* [On Wittgenstein], trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ Publ., 2013. 272 pp. (In Russian)

Kozlova, M. S. "Specifika filosofskih problem. Pozicija L. Vitgenshtejna" [The peculiarity of philosophical problems. Wittgenstein's position], *X Vsesoyuznaya konferentsiya po logike, metodologii i filosofii nauki* [Proceedings of X All-Union conference on logic, methodology and philosophy of science]. Minsk, 1990, p. 78. (In Russian)

Kozlova, M. S. "Vera i znanie: Problema granicy k publikacii raboty L. Vitgenshtejna 'O dostovernosti'" [Faith and Knowledge: A problem of demarcation. Preface to the publication of the Wittgenstein 'On Certainty'], *Voprosy filosofii*, 1991, No. 2, pp. 58–66. (In Russian)

Küng, G. *Ontologiya i logicheskii analiz yazyka* [Ontology and the Logistic Analysis of Language], trans. by A.L. Nikiforov. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ., 1999. 237 pp. (In Russian)

Poincare, H. *O nauke* [On science], trans. from French, ed. by L.S. Pontryagin. Moscow: Nauka Publ., 1983. 559 pp. (In Russian)

Popper, K. *Logika i rost nauchnogo znaniya: Izbrannye raboty* [Logic and the Growth of Scientific Knowledge: Selected Works], trans. from English, ed. by N.N. Sadovskii. Moscow: Progress Publ., 1983. 605 pp. (In Russian)

Rorty, R. *Filosofija i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature], trans. by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk St. Univ. Publ., 1997. 320 pp. (In Russian)

Russell, B. *Filosofija logicheskogo atomizma* [The Philosophy of Logical Atomism], trans. by V. Surovcev. Tomsk: Vodolej Publ., 1999. 192 pp. (In Russian)

Vojshvillo, E. K. *Ponjatie kak forma myshlenija: Logiko-gnoseologicheskij analiz* [The Concept as a Form of Thought: A logic-gnoceological analysis]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1989. 238 pp. (In Russian)

Warren, N. de & Staiti, A. (eds.) *New Approaches to Neo-Kantianism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 322 pp.

Wittgenstein, L. "Kul'tura i tsennost'" [Culture and Value], in: L. Wittgenstein, *Filosofskie raboty* [Philosophical Writings], Pt. 1, trans. by M.M. Kozlova and Ju.A. Aseev. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 407–492. (In Russian)

Wittgenstein, L. "O dostovernosti" [On Certainty], in: L. Wittgenstein, *Filosofskie raboty* [Philosophical Writings], Pt. 1, trans. by M.M. Kozlova and Ju.A. Aseev. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 321–405. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskij traktat* [Logico-Philosophical Treatise], trans. by I.S. Dobronravov and D.G. Lakhuti. Moscow: Kanon+ Publ., 2008. 288 pp. (In Russian)